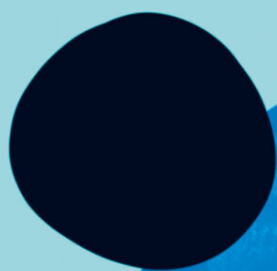

ГОЛОС

Ивонн Адхиамбо
Овуор

перевод Ольги Бурдовой

МОРЕЯ

МИО

МИФ Проза

Ивонн Овуор

Голос моря

«Манн, Иванов и Фербер»

2019

УДК 82-311.2(=41)

ББК 84(6)6-44

Овуор И. А.

Голос моря / И. А. Овуор — «Манн, Иванов и Фербер»,
2019 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-195394-4

Роман взросления от одной из самых удивительных писательниц, появившихся в Африке за последние годы. Несколько культур сплетаются в одну Вселенную, в которой главная героиня, пройдя череду испытаний, обретает дом. На острове Пате, у берегов Кении, живет одинокая упрямая девочка Аяана и ее мать Мунира. Их семью недолюбливают и стараются держаться от них подальше. Но по мере того как Аяана взрослеет, всё вокруг начинает меняться: на остров прибывают новые люди, с ними и новые истории, а в жизни их маленькой семьи появляется моряк по имени Мухиддин – чужак, в котором Аяана неожиданно находит отца. Позже Аяана отправится в путешествие на корабле на Дальний Восток, где повстречает друзей и врагов, переживет множество приключений, познакомится с обычаями и людьми из разных стран и постарается найти свое место среди красоты и опасностей этого мира. Для кого эта книга Для читателей современной зарубежной прозы и тех, кто интересуется Африкой, Востоком и его экзотическими традициями. Для тех, кто любит семейные драмы на фоне масштабной исторической панорамы событий. На русском языке публикуется впервые.

УДК 82-311.2(=41)

ББК 84(6)6-44

ISBN 978-5-00-195394-4

© Овуор И. А., 2019

© Манн, Иванов и Фербер, 2019

Содержание

От автора	7
Голос моря	8
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ивонн Адхиамбо Овуор

Голос моря

Yvonne Adhiambo Owuor

Original title: THE DRAGONFLY SEA

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

THE DRAGONFLY SEA

© 2019, Yvonne Adhiambo Owuor. All rights reserved

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер»,
2023

* * *

*Посвящаю тебе, одиночество.
И как всегда, главе нашей семьи Мари Серо Овуор.
Отцу, по которому скучаем.
Моим братьям и сестрам, а также самым радужным огням: Гере,
Гави, Гвет, Сингу, Диджусу, Детте и Серо*

От автора

В 2005 году отмечалось шестисотлетие со дня первого морского путешествия по Индийскому океану великого флотоводца и адмирала династии Мин – Чжэн Хэ, также известного как Ма Хэ и Хаджи Махмуд Шамсуддин (1371–1435). В этом же году молодая женщина с острова Пате, Кения, получила стипендию на обучение в Китае. Основанием для нее послужило подтвержденное тестами ДНК заявление о родстве семьи девушки с моряками экспедиции, организованной империей Мин, которые выжили в кораблекрушении и обрели пристанище на острове Пате, как и многие другие. «Голос моря» черпает вдохновение в этом реальном событии, однако ни в коей мере не является подлинной историей той молодой женщины и не должен считаться таковой. Хотя в произведении содержатся многие произошедшие в действительности случаи и описываются реальные события, в первую очередь это художественный вымысел, а хронологическая последовательность нескольких эпизодов изменена. Имена, персонажи, места и сюжетные повороты следует расценивать как предмет авторского воображения и художественный вымысел. Любое совпадение или сходство с реальными событиями или людьми, как умершими, так и живыми, является случайным.

*Дочка, возьми этот амулет, носи его с честью.
Сделаю я тебе ожерелье из переливающихся
жемчугов и кораллов
И надену на шею, надежно скрепив застежкой,
изысканной, без изъянов.
Чаще купайся, умащая себя благовониями,
и заплетай косы;
Собирай жасмин и рассытай его по одеялу.
Облачайся всегда изящно, подобно невесте,
с браслетами на руках и ногах...
Обрызгивай себя водой из лепестков роз, а ладони
всегда расписывай хной...*

Мвана Купона бинти Мшуам¹

¹ Мвана Купона бинти Мшуам – кенийская поэтесса XIX века. Из поучения, посвященного дочери – Мване Хешиме («Песнь Мваны Купоны»). Здесь и далее примечания переводчика.

Голос моря

1

Roho ni mgeni.

Душа наша – всего лишь странница

Чтобы пересечь бескрайний океан и добраться до южных земель, предки африканских стрекоз родом из Северной Индии когда-то оседлали спокойный между сезонами утренний бриз, один из предвестников муссонных ветров, который называют *матлаи*. Одним предгрозовым днем, четыре поколения спустя, под темно-фиолетовыми облаками эти перелетные существа обосновались в заросшей мангровыми деревьями бухте на юго-западном побережье острова, где жила маленькая девочка. *Матлаи*, вступив в сговор с полной луной, обрушился на этот клочок суши, на его рыбаков, пророков, торговцев, моряков и морячек, лекарей, кораблестроителей, мечтателей, портных, безумцев, учителей, отцов и матерей с бушующей раздражительностью, сравнимой лишь с волнующимся бирюзовым морем.

Мгла накрыла самый крупный и самый отдаленный остров архипелага Ламу. Она медленно наплзала с северного побережья рядом с фортом Сию, нагнав рыболовецкий флот Кизингитини, пока не нависла, мрачно и обреченно, над юго-западным городком Пате, который и без того подтачивали безответные чувства и неудовлетворенность судьбой. Потрепанное бесконечными проявлениями вероломства, осадным положением, военными действиями и соблазнами, поселение переживало нелегкие времена, как и весь остров с тем же именем. Свинцовые небеса изливали тускло-красное свечение на толпу вечно недовольных призраков прошлого, на затаенную вражду, на давно позабытые победы, на едва заметные пути и на клубок интриг вековой давности. Совсем уже слабый свет просачивался в древние гробницы, развалины и пещеры, предупреждая о своем присутствии тех, кто готов был обитать бок о бок с трагедией. Эти люди верили, что время способно превратить даже худшую из катастроф в далекое эхо.

В самом сердце острова закукарекал петух, вторя громогласному призыву к молитве, азану. Морской бриз сдернул с головы девочки лимонно-желтый шарф, открывая густые черные кудри, которые немедленно упали ей на лицо. Семилетняя худышка в слишком большом платье с цветочным узором, которое должно было когда-нибудь стать впору, наблюдала из зарослей мангровых деревьев за низкими грозовыми облаками, которые надвигались на остров. Она сочла их похожими на следы чудовища. Чудовища, чья решительная поступь оставляла на небе отпечатки в виде розоватых всполохов. Морские волны плескались на уровне колен девочки, а ее босые ноги глубоко зарывались в черный песок, пока она цеплялась за еще одно истощенное создание – мурлыкающего котенка с грязно-белым мехом – и гадала, доберется ли до суши первым шторм – ее чудовище – или же набитое пассажирами судно *дау*, которое медленно прокладывало путь к потрескавшемуся причалу справа от наблюдательницы. Она задержала дыхание, рассматривая возвращавшихся домой. *Ваджио*. Особенно забавно было следить за дергаными, точно у марионеток, движениями пассажиров при малейшем намеке на дождь. Девочка с предвкушением захихикала, когда средних размеров лодка с осыпающейся желтой надписью «Би Кидуде» всплыла в бухту.

По палубе застучали редкие, неуверенные капли дождя.

Оглушительные раскаты грома заставили всех пассажиров запрокинуть голову к небу и закудаhtать, точно напуганные птицы-носороги. Маленькая наблюдательница приснула от смеха и случайно дернула котенка за шерстку, отчего он недовольно мяукнул.

– Тсс, – прошипела девочка питомцу, осторожно выглядывая из листвы мангровых деревьев, чтобы лучше рассмотреть за пеленой дождя лица прибывших на остров, желая сохранить на одной из полок в глубине души их разговоры, внешность, настроения, цвета и образы, которые сможет позднее вспоминать и облумывать.

Каждый день, тайком ото всех, юная обитательница острова, владелица моря, являлась к этому portalу в другой мир и ждала чего-то. Ждала кого-то.

Котенок перебрался с правого плеча хозяйки на левое и огромными голубыми глазами принялся следить за танцем восьми золотистых стрекоз, которые парили в воздухе совсем близко. Раскат грома. *Дау* теперь скользило параллельно берегу, и взгляд девочки привлек незнакомец в кремовом костюме. Мужчина перегнулся через борт судна, и она уже собиралась высмеять неловкого пассажира, когда вдруг услышала резкий тревожный окрик:

– Аяа-а-а-на!

Наблюдению за незнакомцем помешала молния, расколовшая небо надвое.

– Аяа-а-а-ана! – повторился зов матери. – Аяа-а-а-ана!

Сначала девочка замерла, а потом низко согнулась, едва не сядя на колени в воде, и принялась гладить котенка, шепча ему на ухо:

– *Haidhuru* – «не обращай внимания». Она нас не заметит. Аяана честно пыталась снова заснуть и почти в этом преуспела, когда завывание морского ветра ворвалось через окно и окончательно сдуло ее дрему. Девочка слышала далекие раскаты грома, но лежала в постели, пока сопротивляться настойчивому зову шторма не стало совсем невозможно, и только тогда встала, сложила под простынями подушки так, чтобы они напоминали тело, протиснулась через высоко расположенное окно и соскользнула по сточной трубе, которая крепилась к крошащейся стене из коралла. Уже внизу Аяана подобрала на ступенях дома котенка, несколькими днями ранее спасенного ею из грязевого потока, поместила его на правое плечо и помчалась в сторону моря, нырнув в мангровые заросли, откуда так удобно было следить за всем миром, оставаясь при этом незамеченной.

– Аяа-а-а-ана!

Ветер охлаждал лицо. Котенок громко мурлыкал. Девочка наблюдала за *дау*. Пожилой мужчина в кремовом костюме повернулся, и их глаза встретились.

Аяана тут же отшатнулась, прячась в тених мангровых деревьев. Ее сердце быстро колотилось. Как такое могло произойти?

– Аяа-а-а-ана! – голос матери раздавался уже гораздо ближе. – Где носит эту несносную девчонку? Неужели мне придется призвать на помощь Бога?

Упомянутая несносная девчонка смерила тоскливым взглядом приближавшееся к причалу судно, затем подняла голову к почерневшему небу. Похоже, ей так и не доведется узнать, что доберется до суши первым: лодка или шторм? Аяана вспомнила выражение лица заметившего ее пассажира. Расскажет ли тот кому-то о ней? Она посмотрела на палубу в поисках тех глаз, с которыми встретилась лишь на секунду. Котенок на плече прижался мордочкой к шее хозяйки.

– Аяа-а-а-ана! *Haki ya Mungu... aieeee!* – низкий грудной голос, который теперь источал угрозу, доносился уже из кустов, росших слева от мангровых деревьев. – *Aii, mwanangu, mbona wanitesa?*

Слишком близко. Девочка покинула свое убежище, прошлепала по приливной волне в сторону открытого пляжа и принялась перебегать от камня к камню, прячась за ними и прижимая к себе котенка, пока не оказалась вне поля зрения матери.

Незнакомец, пожилой мужчина из Нанкина, увидел, как малышка высоко взмыла в воздух, на секунду воспарила на фоне черного неба, а затем упала, словно сломанная ветвь, и издал сдавленный смешок. Остальные пассажиры, испытывавшие сочувствие к страдавшему

морской болезнью попутчику, настороженно покосились на него. Нередко случалось, что длительное недомогание сводило людей с ума. Сам же старик не отрывал пристального взгляда от земли, хотя лицо оставалось спокойным, а лысая голова на морщинистой шее даже не повернулась. Катаракта на правом глазу придавала зрелищу колорита. Услышав резкий окрик «Аяа-а-ана!», путешественник вздрогнул, ощутил очередной кульбит желудка и с тоской смерил взглядом расстояние между лодкой и причалом, желая поскорее вновь оказаться на суше.

Спустя пятнадцать минут приезжий в плохо сидящем кремовом костюме, трепетавшем на сильном ветру, сошел с судна и побрел по мелководью, чтобы добраться до полосы черного песка, но едва не упал по пути, несмотря на помощь неизвестного доброжелателя. Наконец старик оказался на суше. Он повалился на пляж и с жадностью наполнил грудь воздухом, в котором чувствовалось присутствие беспокойных призраков, слышалось бормотание тех, кто умер вдали от родной земли позабытыми и потерянными. Внезапно перед лицом возникла чужая коричневая рука. Приезжий принял ее. Один из моряков помог подняться на ноги, вручил пассажиру немудреный багаж, состоявший из серой сумки, и тоном, каким обычно рассказывают анекдот, понятный лишь самому шутнику, произнес: *Itifaki imezingatiwa*, после чего насмешливо фыркнул.

Путешественник заморгал от недоумения и опьяняющих ароматов, среди которых различил горьковатые нотки цитрусовых, сладкие бальзамические тона и соленые слезы моря, растворенные в густом, как суп, воздухе, жар которого проникал до самых костей. Старик сдался и наполнил этой смесью легкие, а потом обернулся, заслышав гул людских голосов. Им вторила музыка прибоя. Над горизонтом нависали черные тучи, которые грозили вот-вот исторгнуть шторм. «Что это за место?» – подумал приезжий и медленно зашагал по песку. Ноги проваливались и разъезжались, словно обладали собственной волей и хотели сами взглянуть на окружающий мир. С одиноко стоящего куста диких роз слетел лепесток, поймав отсветы молнии. Старик помедлил, ожидая, пока тот опустится на землю, и только затем подобрал его и поднес к губам, сжав в правой руке, левой же поправил на плече сумку, где хранил всю свою жизнь.

2

Mwenda Pate harudi, Kijacho ni kilio.

Тому, кто отправляется на Пате,
уже не суждено вернуться;
в воздухе останется лишь скорбный крик

В то утро, когда пожилой мужчина из Китая сошел на берег Кении, в просторной спальне с известковой побелкой внутри двухэтажного дома из дерева и блоков коралла, который располагался в лабиринте города Пате, высеченном пассатными ветрами – *куси, матлаи, малези* и *каскази*, – немолодому уже моряку Мухиддину Баадави Млингоги снова снилось, что он плавает вокруг огромной горы сапфиров на дне океана. В этом сновидении к сокровищу привела карта из темно-коричневого фолианта, где содержались слова заклинаний, горевшие огнем. Реальный двойник книги, завернутый в отрез зеленой ткани, лежал сейчас под кроватью в резном сундучке из красного дерева.

Пять лет назад Мухиддин, загоревший дочерна, обветренный и иссеченный морскими ветрами и водами, мускулистый потомок рыбаков и кораблестроителей острова Пате, тайком унес заветный фолиант, стоявший среди тысячи других книг, из частной библиотеки дубайского коллекционера. Тот собирал редкие вещи, выкупая у тех, кто вел войну в пустыне или на море, включая самого Мухиддина, который иногда продавал предметы искусства, провезенные контрабандой. Среди страниц похищенного фолианта обнаружился притягательный для любого ценителя пергамент, покрытый загадочными надписями на неизвестном языке

и напоминавшими карту рисунками с изображением древнего компаса, который указывал на восток в качестве отправной точки поиска. Когда Мухиддин впервые взглянул на находку, то решил, что в качестве букв использованы нотные знаки, но позднее заметил, что при закатном свете пергамент источает благовония. В эфирном масле явно содержались нотки сандала. Что это означало? Было ли это картой, на которую торговец нанес портовые города, ветра и пункты торговли, отметив нужные? Или просто ароматизированной страницей из глупой сказки вроде нескончаемых историй «Тысячи и одной ночи»? «Этот пергамент – всего лишь старый кусок бумаги, который наверняка не имеет особого значения», – увещевал сам себя Мухиддин, желая утихомирить страсть к неизведанному. Однако всякий раз, когда он уставал погружаться в населенные призраками глубины своего сердца, рука невольно тянулась к фолианту, чтобы дотронуться до пергамента и убедиться в его сохранности.

Давным-давно, когда Мухиддин был еще совсем мальчишкой, его душу обожгла энергичная песня, которая преследовала его повсюду, будто привидение. Позднее она стала являться во снах, а после пробуждения заставляла желать неизведанного, превратив необразованного бедняка с островов в искателя приключений, путешественника, исследователя и жадного добытчика крупниц истины. Мухиддин Камис Млингоги ва Баадави осиротел, когда родители и пятеро братьев утонули на пароме, который шел к южному побережью Ликони. После этой трагедии бездетные родственники – дядя Хамид, музыкант, играющий на *зумари*, главный моряк, и его жена Зейнаб – приобрели мальчика для битья и подневольного слугу. Именно во время пятидневного рыболовного рейда с дядей, в самый разгар напряженного поединка с огромным черным марлином, который бился, вырывался и всеми силами старался освободиться, до смерти напуганный четырнадцатилетний парнишка, подстегиваемый злобными угрозами нелюбимого дяди («Только попробуй мне упустить рыбину, вот только попробуй!»), и погрузился в состояние наивысшего сосредоточения, когда услышал шепот, будто исходящий из самого источника жизни. В этих звуках Мухиддин различил песню моря, которая затянула юную душу в самую глубину времен, обволокла мокрой мелодией из нот самых важных истин, проникла в естество мальчишки, заставив его разбиться и разлетаться по холодным мирам брызгами солнечных лучей. В тот момента Мухиддин заразился непреодолимой ностальгией по тем местам, где никогда не бывал.

А огромный марлин внезапно успокоился и сдался на волю молодого рыбака.

После этого воцарилась оглушительная тишина. Когда обессиленный парень метался по лодке, едва не рыдая и одаривая горестными жалобами морщинистого Хамида, тот мерил племянника тяжелым, безрадостным, усталым взглядом и приговаривал: «Это был всего лишь вой ветра. Не обращай внимания». Однако с тех пор ни дядя, ни его жена никогда больше не поднимали руку на Мухиддина.

Событие так сильно повлияло на него, что определило дальнейшую судьбу, побудило связать жизнь с морем, заставило работать без перерыва, точно зачарованного. Когда же судьба приводила Мухиддина на сушу, он гонялся за мечтами, как за светлячками. В прибрежных и портовых городах он обшаривал дно, покупал, торговался, воровал и выпрашивал карты, выспрашивал о неизвестных легендах, выискивал тайные знаки, надеясь обнаружить четкое указание на пути к главной цели: уверенности. В своих исследованиях Мухиддину приходилось вести дела с людьми и менее возвышенными материями, и именно они, а вовсе не океан в конце концов стали причиной, по которой ткань его бытия порвалась.

Много лет и морей спустя потрепанный жизнью и утомленный бесконечным одиночеством Мухиддин снова услышал отголоски той далекой песни, отзвуки той волшебной мелодии. Когда это произошло, он стоял на палубе торгового судна в бурных, непредсказуемых, холодных водах вычерненного ночью Атлантического океана, как обычно неся вахту во время шторма. Именно тогда среди вздымавшихся волн на секунду мелькнули голубоватые сферические огни, чтобы тут же рассыпаться на осколки памятной мелодии, стоило только Мухиддину

моргнуть. Он перегнулся через поручни, умоляюще бросив вслед вопрос: «Кто ты?» Огромная волна величиной с двухэтажный дом обрушилась на палубу, окатив бывшего рыбака водой и внезапным желанием вернуться домой, на остров, и только затем отступила. Все, что удалось до этого момента обнаружить, намекало лишь на то, чем загадочная морская песня не являлась. С надеждой обрести тихую гавань, пристанище Мухиддин тоже уже давно распрощался, оставив на базаре в Александрии, где торговец с кожей цвета алебаstra и с нависающим орлиным носом старался всеми способами, по возможности незаметно, избежать соприкосновения со смуглым обветренным моряком.

Тот рынок наваял и другие воспоминания.

В сознании вновь всплыл призыв к молитве. Сладкоголосое приглашение к объединению для всех верующих вступило в непримиримое противоречие с хаосом, порожденным мелочными и порочными привычками окружающих. С оскорблением, которое позволил себе обронить продавец, когда Мухиддин отверг товары: *абд* – «презренный раб». Внутри него вскипел гнев, взорвалась ярость, заставив заскрежетать зубами и воскликнуть:

– Ты сам кровожадный джинн! Палач! Извратитель веры!

– *Абд*... Друг мой... – тут же залепетал торговец, выдавив улыбку, – брат, пойми, я вовсе не хотел тебя оскорбить. Это слово... оно означает... оно означает – покорный воле судьбы.

– Довольно, вор! – взревел Мухиддин. – Покайся! Прикрыв вонь морального разложения белыми одеждами, ты становишься ходячим кладбищем. *Mtu mwovu*... Кровопийца... Покайся, негодяй! Значит, ты не желаешь ко мне прикасаться? Опасаешься, что твоя кожа тоже почернеет? Покайся, вор земель и душ!

– Смотри, смотри! – зашептал торговец, пятясь назад и облизывая пересохшие губы. На его лице был написан страх. – Все они такие же, – он указал на других продавцов, на посетителей рынка, но те отводили глаза и притворялись, что ничего не замечают, избегая встречаться с пылающим праведным гневом взглядом Мухиддина.

Тот устремился прочь, сжимая в руке *халуа* и трясясь от ярости. Эта дрожь смахнула последние крупы веры, за которую бывший рыбац, бывший мальчишка для битья еще цеплялся.

Абд.

Именно так его называл дядя до того поединка с марлином. Имена становились на острове, где вырос Мухиддин, обещанием и обязательством. Обычно Хамид добавлял слово «куффар» – неуч, избивая племянника, пока тетя Зейнаб просто смотрела на истекающего кровью мальчишку и потягивала переслащенный кофе с имбирем. Ее лицо стало для сироты воплощением одиночества, а теперь послужило одной из причин его нежелания молча проглатывать оскорбления. Перед глазами до сих пор стоял образ коленопреклоненного дяди Хаида, рыбака с музыкальными наклонностями, который с помощью *забиба* – молитвенной отметины – пытался скрыть истину о жестокой душе.

Абд.

Мухиддин молнией пронесся по тому базару, ощущая на языке сладость *халуа* и горечь клятвы: «Между религией и цветом моей кожи проляжет непреодолимая пропасть вплоть до того дня, когда наступит день покаяния». Это обещание самому себе несло безмятежность. И беспокойство. Он принялся метаться по сторонам, словно загнанная в клетку черная пантера, которую Мухиддину однажды довелось видеть в зоопарке нефтяного магната из Катара, не от радости, но и не от грусти. Словно со стороны мужчина наблюдал за собой, пока принимал товары или тянул швартовы, недоумевая, почему поступил так, как поступил. Загружая, расставляя, складывая, разгружая, Мухиддин отгонял эти мысли и отказывался обдумывать их значение. Освободившись от товаров, он принялся топить эмоции в неограниченных наслаждениях: вине, женщинах, словах, различных психотропных препаратах и безостановочных дискуссиях о политике, высказывая свое мнение по любому поводу. Таким образом уда-

валось заглушать беспокойство вплоть до того душного июньского утра 1992 года, когда спустя двадцать восемь лет, три месяца, девять дней и семь часов верного служения морю корабль Мухиддина, зарегистрированный в Панаме, достиг берегов Занзибара.

Утреннее солнце на острове Унгуджа было золотым и горячим. Обжигающие лучи заставили Мухиддина прикрыть глаза, а когда он снова прозрел, уставился на Занзибар так, словно видел его впервые. Возле причалов собралась целая свора минимум из двадцати шести тощих облезлых кошек, которые мяукали и водили в воздухе когтистыми лапами, сдвигая завесу между мирами и вновь возвращая Мухиддина в те времена, когда он был рыбаком. Стаи ворон, переменчивые ветра, жара и людские голоса... Сейчас он вобрал в себя сотни других личностей: портовый грузчик, матрос первого класса, младший инженер, помощник кока, а также возлюбленный, муж – ненадолго – и мужчина без руля и ветрил. На лицо упали соленые брызги, а легкие втянули родной воздух Восточной Африки. Перед глазами пронеслись два полупрозрачных насекомых в погоне за пятном света. Неизвестный торговец, на теле которого сетка глубоких морщин рассказывала истории об увиденных странах, заметил Мухиддина и помахал ему. Тот почувствовал, как по щеке катится слеза, пробирается через заросшую бородой линию челюсти и капает в маслянистую воду занзибарского порта, и крепче вцепился в поручни, сопротивляясь приступу противоестественной скорби. Секундой позднее раздался гудок огромного механизма. Старпом разразился потоком ругательств. Товарищи по плаванию окликали Мухиддина, по-приятельски сопровождая его имя поддразниваниями. Он отвернулся, схватил ближайшую полупустую канистру с водой, вскинул ее на плечо, чтобы скрыть лицо, и зашагал прочь.

Однако позднее, под покровом чернильной темноты, Мухиддин ускользнул из цепких объятий моря, сбросив оковы служения. Он подкупил двух портовых «крыс» – мальчишек неопределенного возраста, шнырявших возле пристани в надежде поживиться, подобно джинам, навечно привязанным к одному месту, – чтобы те помогли дотащить пять брезентовых мешков, нагруженных накопленными за время добровольной ссылки сокровищами: книгами, картами, склянками с благовониями, бутылками чернил и кистями для каллиграфии, эфирными маслами, сушеными травами, ароматизированными отдушками, древесными смолами, включая фимиам. Отдельно имелась и сумка с вещами: двумя рубашками, шортами, шляпой и большим плащом. Деньги в кожаном мешочке Мухиддин держал на теле. Они с «крысами» прокрались вдоль теней и разрухи нового порта, пролезли сквозь дыру в ограждении и оказались в лабиринте коралловых стен каменного города, который существовал будто между мирами. По мере продвижения стали слышны звуки алжирской музыки *rai*. Вокруг скользили женщины в черных накидках буи-буи, из-под которых виднелись лишь огромные глаза и позвякивающие от браслетов запястья – остро отточенные инструменты соблазнения. В воздухе витали запахи еды: *бирьяни*, плова, кокосовой стружки, солений, специй, йогуртов, перцев, *мбаази* и *махамри*, кремовых яблок и сока авокадо, которые продавала лоточница с совсем детским лицом. Девочка с собранными в два хвостика волосами пробормотала «*shikamoo*» и присела в почтительном реверансе *перед* пожилым пухлым мужчиной в белых одеяниях канзу. Чуть поодаль слышались африканские ритмы и вездесущие пересуды, сдобренные регги Боба Марли и Питера Тоша.

Мухиддин заметил проход, ведущий прочь из лабиринта, и добавил собственный лающий смешок к какофонии окружающих звуков, после чего поспешил за провожатыми в сторону старой гавани, где остановился возле древнего каменного парапета, который неровной линией тянулся вдоль кромки океана.

Освещенная фонарем, на волнах качалась средних размеров лодка – жалкий тяжело-вес с выпирающими в самых странных местах деталями обшивки – с оптимистичным назва-

нием «Умм Кульсум»². Мухиддин подумал, что следовало сжечь это чудовище еще век назад в качестве акта милосердия. Капитан, или, как их именовали в здешних местах, *находха*, стоял на палубе, будто являлся частью судна.

– *Masalkheri*, – пожелал доброго вечера Мухиддин хриплым от редкого использования голосом.

Находха, настоящий гигант, отделился от лодки, прыгнул в воду, которая доходила ему до бедра, направился к берегу и спросил:

– *Nani mwenzangu*? Кто составит мне сегодня компанию?

– Мухиддин Камис Млингоги ва Баадави.

– *Du!* Ну и имечко! Что тебе нужно?

– Предаться размышлениям о поэзии вместе с тобой. Ты-то сам как думаешь? Уплыть.

– Что, проблемы? И куда надо?

«На Пате», – подумал Мухиддин, едва осмеливаясь даже про себя произнести это слово, вызывающее к жизни призраков прошлого, которые поползли по всему телу, подобно паукам из давно забытых гробниц.

– На Пате, – наконец ответил он и вздрогнул: набежавшая волна из политого каплями света темного океана окропила брызгами застарелую тишину.

– Только глупцы и преступники пересекают море в этот сезон, – недовольно проворчал капитан.

– Считаю меня глупцом, – в тон ему огрызнулся Мухиддин.

– Вот уж точно, – фыркнул лодочник. – Сколько заплатишь?

– Сколько скажешь.

– Паспорт есть?

– А тебе он нужен? – парировал Мухиддин.

– Нет.

– Вот и мне нет.

– Что везешь?

– Всякое барахло.

– Мне не нужны неприятности.

– Я их не доставлю.

– Выходим с рассветом, – буркнул капитан и повернулся, чтобы направиться обратно к лодке, которая покачивалась на волнах.

– Подожди меня, – окликнул его Мухиддин. – Я хочу взойти на борт сейчас.

– Настоящий псих.

– Может быть.

Мухиддин и его подручные закинули вещи в *дау*. Перед рассветом явились еще шестеро путешественников и трое членов экипажа. С утренним приливом «Умм Кульсум» отчалила.

Некоторые из пассажиров сошли в небольших полузаброшенных портовых городках по пути – Тумбату, Пемба, Килифи и Шимони, – но, находясь на борту, все мужчины помогали морякам: удерживать на плаву судно, штопать обшивку, вычерпывать воду. Шестидневное плавание по изменчивым течениям и штормовым волнам требовало тяжелого труда и веры в благосклонность богов и ветров. В конце концов «Умм Кульсум» оказалась в водах Северной Кении. Примерно в два часа после полудня *находха* повернул лодку, заметив на выступавшей из океана скале знак с надписью «Пате». Раньше этим проходом при отливе также пользовались слоны, чтобы попасть на остров. Капитан предпочел пролив Мканда более рискованному пути по открытому морю.

² Умм Кульсум – одна из дочерей пророка.

Когда судно проплывало мимо зарослей мангровых деревьев, Мухиддин почувствовал, как болезненно сжалось сердце. Белые верхушки песчаных отмелей. Фаза, пострадавший от пожара. Затем остров Ндау. А вскоре показалось и черное побережье Рас Мтангаванды. Спустя совсем короткий отрезок времени Мухиддин уже спускался по сходням на Пате среди других пассажиров. Что он увидит при возвращении? Колени ослабели, когда блудный сын пересек невидимую границу, отделявшую его от прошлого и родных земель. Послышался смех, связующий элемент всех времен. Мухиддин зашагал прочь от пристани, вглядываясь в окраины города: осыпавшиеся могилы, часовни, развалины судостроительной верфи, гробницы святых как синкретичные знаки когда-то главенствовавших в этих местах богов, надежные мечети, которые делили пространство с другими религиями. Вглядываясь в лица людей, его народа. Одно показалось знакомым. Секунду спустя сердце Мухиддина замерло, и он издал невольный возглас. Игравшие поблизости дети остановились, а три самых смелых мальчика подбежали к упавшему на колени мужчине, чтобы узнать причину его поведения. А причиной стало то, что он только что осознал: длинный и запутанный путь по морям и странам привел его обратно к дому.

Это было тогда.

Сейчас же, сжимая в руке пожелтевший лист пергамента, Мухиддин испытывал уверенность всего в двух вещах: пока древняя рукопись представляла собой ценность только из-за возможного потенциала, а еще она, как и все, чего касался искатель неизведанного, искрошится и улетит пылью до того, как ему удастся расшифровать надписи.

– Аллах акбар...

Еще один день и еще одна ночь. Провозвестник лучшего будущего будил угрюмое население древнего острова.

– Аллах акбар... – Затем последовал речитатив: – *Al-salaatu khayrun min al-nawm*.

Тонко завывавший ветер с моря вторил молитве и осыпал песком все живое. Кудхтали куры. Эта утренняя мелодия ворвалась во сны Мухиддина о возвращении на Пате и привела к вопросу, который всплывал снова и снова, к вопросу, который он должен был задать, но никак не мог этого сделать: почему он с таким наслаждением отвечал на призывы к жизни, если отказался от веры?

– Аллах акбар...

С балкона на верхнем этаже своего дома Мухиддин наблюдал за флотилией *нгарава*. Каждое утро рыбаки сгибались и выпрямлялись, сгибались и выпрямлялись, погружая длинные весла из мангрового дерева в океан, направляясь в самое сердце зари, которая проливалась на воду, подобно расплавленному серебру. Мужчина поправил на голове вышитую *баргашию* и лениво задумался, следует ли открыть расположенный на нижнем этаже магазинчик *Vitabu na Kadhalika* – «Книги и другие товары». Лучи утреннего солнца нежно касались рук Мухиддина на вытертых перилах. Он вслушивался в раскатистое эхо утренней молитвы муэдзина. Соленый ветер с океана доносил запах водорослей, пряностей и неизвестных трав.

– Аллах акбар...

Призыв к молитве на острове рождался усилиями мужчины, вернее, двоих мужчин: Омара Абдулрауфа и Абази Рашида. Будучи соперниками, каждый из них восхвалял собственные выдающиеся вокальные данные, не желая признавать талантов другого. Пате пока сопротивлялся укороченной и вылинявшей версии *азана*, придуманной в суровых краях Саудовской Аравии и повсеместно заменившей тот богатый и благозвучный напев, на который способен голос.

– *Ash-hadu an-la ilaha illa llah...*

Мухиддин спустился по широким ступеням, пока в ушах звенели отрывистые призывы Омара Абдулрауфа:

– *As-salatu Khayrun Minan-nawm...*

Обдумывая, не стоит ли предложить состав из меда, гвоздики и имбиря муэдзину, чей тоскливый фальцет напоминал песни китов во время брачных игр, Мухиддин торопливо пересек внутренний дворик, приставил ладонь козырьком ко лбу, чтобы заслониться от яркого солнца, и принялся ждать.

Три минуты.

Вот оно.

За смотрящим на север домом послышались шаги, а спустя несколько минут детский голосок начал нараспев произносить:

– *Kereng'ende... mavuvi na kereng'ende...*

Kereng'ende? Сезон стрекоз? Мухиддин задумчиво пригладил бороду и перевел взгляд на небо. Приближались ливни. В воздухе стояла влажность, облака висели высоко, а огромные косяки рыбы плыли от нерестилищ. Появились новые течения.

Мухиддин повернулся в сторону океана.

Плеск!

Ребенок залился смехом.

Мужчина еще какое-то время постоял, прислушиваясь, затем пригладил усы, побрел к кухне на нижнем этаже, поставил на огонь чайник и выложил мед *балу* и печенье *махамри* на ржавый круглый поднос, на котором когда-то были изображены котята. После этого налил в большую кружку горячее молоко, добавил чайную ложку *масалы* и представил, как было бы чудесно, если бы на вечернем *дау* с Ламу привезли долгожданный хлеб – *мката ва мофа*. Откуда-то с моря снова донесся смех ребенка, девочки. Радость в ее голосе заставила улыбнуться и Мухиддина. Этот смех предназначался ему и был их общим секретом. Секретом, который можно было разделить с помощью взгляда, брошенного с балкона. Секретом, который родился в тот момент, когда немолодой мужчина стал свидетелем танца, сокрытого от глаз всего остального мира. Секретом, который отражался в самой легкой улыбке Мухиддина или в сиянии глаз незаконнорожденного ребенка. До того как девочка заметила его, она имела обыкновение резвиться на мелководье и громко напевать детскую песенку:

Ukuti, Ukuti

Wa mnazi, wa mnazi

Ukipata Upepo

Watete... watete... watetemeka...

Незамеченный, Мухиддин слушал. Иногда он видел, как девочка просто бродила по пляжу, приближаясь к выброшенным веткам, к мертвым угрям, птицам или рыбам, к пластиковым пакетам, к хоккейной клюшке, к голове куклы, к голубой игрушечной черепахе. Однажды она обнаружила наблюдателя, стоявшего на балконе сразу после рассвета, и принялась напевать уже тише, однако утренний бриз все равно доносил слова:

Sisimizi mwaenda wapi?

Twaenda msibani

Aliyekufa ni nani?..

Мухиддин видел девочку и раньше, до того как ее рассветные приключения стали частью его жизни. Первая встреча состоялась тогда, когда Юсуф Юма, рыбак, приволок на пристань огромное – размером с небольшого человека – рассеченное, истекающее жиром чешуйчатое существо с четырьмя плавниками, похожими на рудиментарные конечности. Тут же набежали зеваки, а бывалые моряки принялись обсуждать находку, припоминая, что однажды подобное чудовище уже обнаруживали в здешних водах. Девочка тоже явилась посмотреть. Она про-

бралась между взрослыми и наклонилась к существу, когда пришел Мухиддин. Он совершал вечерний променад, вначале оповестив всех о своем прибытии стуком стальных набоек на башмаках, а потом и заявлением:

– *Ni kisukuku. Alieishi tangu enzi za dinasaria*, – он повторил надпись с плаката, где сообщалось о латимерии, и добавил: – Когда я ходил на рыболовецком судне, в наши сети попадалось похожее создание. Его нельзя употреблять в пищу, а нужно вернуть в воду. На радость акулам.

Когда Мухиддин посмотрел на пойманное существо, то поймал пристальный взгляд широко распахнутых глаз и заметил удивленное выражение лица девочки в потрепанной одежде, которая была ей велика, после чего вернулся к прерванной прогулке.

Сейчас Мухиддин расслышал за свистом закипевшего чайника голос малышки:

*Sisimizi mwaenda wapi?
Twaenda msibani...*

Недовольно шлепнув по крышке, будто по непослушному питомцу, Мухиддин налил черный горький кофе в кружку, глотнул ароматный напиток с добавлением кардамона, гвоздики и корицы, после чего поднял поднос и понес в комнату наверх, где расположился на балконе, рассматривая беспокойную синеву океана и обведенные красной каймой облака. Все предвещало надвигавшийся шторм. Девочка играла в воде, среди белых пенистых клочьев, и в один момент нырнула, заставив Мухиддина беспокоиться. Течения могли сыграть с малышкой злую шутку. Он принялся отсчитывать секунды, высматривая темные оттенки и зыбь, которые выдавали бы наличие глубинной стремнины. Затем голова ребенка показалась над поверхностью. Предыдущий рекорд погружения девочки составлял две минуты, сейчас же к нему добавилось еще семнадцать секунд. Мухиддин утер нос рукавом и удивился, с какой стати вообще волновался о том, что его не касалось. Затем невольно улыбнулся. Целых две минуты и семнадцать секунд!

Вспомнилось еще одно раннее пробуждение более года назад. Поскрипывания и характерные утренние шумы потревожили сон Мухиддина, и он потянулся к часам, которые собрал из деталей всех предыдущих будильников, подарив звонок, больше похожий на стрекот сверчка, и обыкновение издавать сигнал каждые три часа. Обеспокоенный, хотя причина волнения сейчас уже позабылась, Мухиддин отправился на балкон дожидаться рассвета и заметил, как пурпурная вспышка мелькнула на небе и на секунду высветила в океане создание, которое прыгало и резвилось, подобно детенышу дельфина, *помбу*. Оно нырнуло под воду и появилось на поверхности несколькими метрами дальше. Конечно, Мухиддин не верил в существование джиннов, но такая идея на секунду возникла в сознании при виде бесплотного создания. Он поспешил вниз по лестнице, пересек внутренний дворик и пробежал по помещению, которое использовал как магазин и кабину для взвешивания, затем спустился с крыльца на улицу и торопливо обогнул здание, выглянув за угол на море. А когда опознал в неизвестном существе худую девчонку-беспризорницу, то удивился собственному разочарованию и укорил себя: «А чего ты ждал, привидения?»

Kweli avumaye baharini papa kumbe wengi wapo – «В океане плавает разная рыба».

Мухиддин нахмурился, раздираемый противоречивыми мыслями. Следует ли ему вытащить ребенка на берег? На острове существовали негласные правила о том, кому можно плавать в море. Детям – только под присмотром взрослых. Девочкам – никогда. И все же... Бывшему рыбаку, служителю океана, была слишком хорошо известна притягательность самого древнего бога – воды – для некоторых людей. Он сам не сумел воспротивиться зову. Однако в случае с Мухиддином обстоятельства немного отличались. Его отец и отец отца являлись хранителями океана. Они умели читать волны в любой сезон, оберегали традиции и чтили принятый уклад. И хотя умерли родные раньше, чем успели передать знания потомку, он уна-

следовал призвание и с юности обладал редким даром, доступным кроме него всего семерым людям: без фонаря нырять ночью на самую глубину за рыбой, устрицами и крабами, когда лишь огни на лодках указывали обратный путь. Мухиддина жалили медузы и били током электрические угри, но он выжил и теперь мог распознать приближение морского вала, приливы и течения по одному взгляду на них или даже по ощущению, а когда однажды быстрина утянула молодого рыбака на глубину, он ничуть не испугался, только заинтересовался. После возвращения на Пате он уже трижды просыпался ночью в воде, не представляя, когда и как успел выбраться из постели, выйти из дома и оказаться в море.

3

Котенок с грязным белым мехом лежал на худеньких плечиках хозяйки, пока та наблюдала за причаливавшей пассажирской лодкой в надежде обнаружить среди прибывших отца. Девочка никогда его не видела и не знала, как он выглядит, но нарисовала в воображении четкий образ. Вот и сейчас она усилием воли пыталась заставить объявиться придуманного папу именно сегодня. Как делала вчера.

И позавчера.

Как делала тогда, когда свистом старалась призвать ветер, а песней – успокоить волны.

Сегодня отца среди пассажиров утренней лодки не обнаружилось. И среди тех, кто выбрался на берег из вечернего *дау*, пошатываясь и спотыкаясь, тоже. Не оказалось его и в мини-автобусах *мататус*, которые дважды в день прибывали на остров Пате. Аяана ждала до самых сумерек, до стрекота вечерних сверчков, до той внезапной тишины, которая будто просила девочку заговорить. Тогда она прошептала котенку, что даст отцу еще один шанс объявиться. Всего один, последний шанс найти дочь. Завтра. Питомец боднул щеку хозяйки и замурлыкал.

4

Под водой время исчезало. Одиночество, безмолвие и все остальное уступало место неясному зову. Стремилось к нему. Парило в глубине. Под водой не требовалось давать имена вещам, чтобы загнать их в привычные рамки. Интуиция, вера, опыт, ощущение – всего этого было достаточно для понимания. Море смотрело множеством глаз, в том числе взглядом девочки, плавающей как рыба. Она уставилась на Мухиддина, который улыбнулся в ответ, и продолжила дрейфовать вместе с течением и обитателями моря, пока не пришло время вынырнуть на поверхность. И рассмеялась.

Мухиддин облокотился на перила и подался вперед, чтобы лучше слышать ребенка и океан, ребенка в океане. Поняла ли уже малышка, что воды и течения могут оказаться непредсказуемыми, как и мир вокруг? Но нет, это не его дело. В тот первый день бывший рыбак вернулся в спальню, но с тех пор на рассвете высматривал девочку. Иногда она не объявлялась вовсе, а иногда прибегала еще до восхода солнца, на цыпочках заходила в воду, огибая отмели, если был отлив, или ныряя в волны, если море стояло высоко. Постепенно, месяцы спустя, ребенок-рыба начала бросать взгляды на балкон, проходя мимо дома Мухиддина, будто знала, что он стоит там. Еще через некоторое время она стала замедлять шаг и опускать голову. И наконец однажды остановилась, глубоко вздохнула и подняла голову, а когда их глаза встретились, то потянула себя за мочки и высунула язык. А затем унеслась прочь, оставив на песке следы, будто от копыт антилопы-дукер.

Когда девочка вернулась на следующей неделе, Мухиддин в точности повторил ее приветствие. Малышка изумленно вытаращилась, но уже спустя мгновение согнулась пополам и расхохоталась, подвывая. Веселье требовало выхода, и она сделала колесо, потом еще одно,

после чего плюхнулась на песок, ошарашенная слишком непривычными ощущениями. Эта неприкрытая демонстрация счастья заставила рассмеяться и Мухиддина, да так, что пришлось вцепиться в перила. А затем девочка исчезла. Пуф! И остались лишь крошечные следы на темно-коричневом пляже.

Аяана.

Имя ребенка звучало чужеродно для Пате. Оно означало «божий дар». Конечно же, Мухиддин слышал печальную историю девочки. Как и все местные жители. Она появилась на острове семь лет назад во время высокого прилива. Прибыла на руках скандально известной матери, худой, подавленной, узкоглазой, бледнокожей Муниры. Ее ранее диковатая, надменная, резкая красота померкла и превратилась в хрупкость раненой птицы за те два с половиной года, которые женщина провела вне острова. Домой она вернулась уже сломленной, разбитой и заржавевшей, как приставший к причалу оторванный якорь. Единственными словами о краснокожем младенце стали ее слова: «Это Аяана». Малышка заливалась громким плачем, пока ее мать спускалась по трапу с протекающей рыбацкой лодки *нгарава*, проезд на которой купила в обмен на последние два золотых браслета, чтобы добраться от Ламу до дома. Когда Мунира сошла на берег Пате, имя дочери, Аяана, стало мольбой о милосердии. Те, кто наблюдал за возвращением, больше похожим на похоронную процессию, не стали отшатываться от «божьего дара», от лепечущего свидетельства разбитых надежд очередной женщины.

– Кто отец?

– ...

– Так кто отец ребенка, Мунира?

– Ветер, – выкрикнула та, опустошенная, разбитая. – Тень ветра.

Этот ответ, пульсирующий намеком на ужас, побудил семью несчастной взяться за дело, чтобы стереть следы постыдной ситуации. Они поспешили найти подходящего жениха для Муниры: аскетичного ученого, чья редкая борода доставала до впалого живота и чьи неоднократные попытки повторно жениться потерпели неудачу, потому что все невесты разбежались и никогда больше не показывались на глаза. Первая и единственная супруга тоже сбежала, но иначе, избрав обет молчания. Ученый решительно настроился на родство с аристократической семьей Муниры, на вступление в древние, запутанные и широко распространенные щупальца бизнеса, которые тянулись почти ко всем портовым городам мира, и уже начал процесс смены фамилии на более известную, что являлось частью сделки.

Однако вместо благодарности Мунира прижала к себе младенца, забралась на высокий выступ берега и приготовилась прыгнуть в пучины моря. Ее угроза самоубийства спровоцировала скандал и укрепила всех обитателей острова в уверенности, что молодая мать – совершенно невменяемая особа. И проклята богами, судя по всему. Много, много лет спустя, в один из моментов просветления, Мунира поведала Мухиддину несколько деталей из того времени: как она отдала свое сердце, не получив ничего в ответ, резюмировав рассказ словами «я больше не верю мужчинам»; как каждый месяц она выблевывала надежду в волны самого высокого прилива; как она оценивала качество некоторых дней, основываясь на количестве полученных оскорблений – чем меньше, тем успешнее.

– Нельзя убежать от собственной тени, – заключила Мунира тогда.

– Однако можно не обращать на нее внимания, – последовал ответ Мухиддина.

– Хватит, – фыркнула она. – Мы-то сами знаем правду. Даже когда лжем. – А потом добавила: – Большинство предпочтут заговорить о смерти, но не осмелятся признаться в одиночестве. *Dua la kuku halimpati mwewe*. Однако я все еще жива. Разве это не прекрасно? – А потом рассмеялась одной ей понятной шутке.

Когда Мунира пригрозила покончить с собой, ее уважаемый отец предал дочь анафеме, объявив ее махариму, проклятой. Сообщил во всеуслышание, что она умерла. И добавил:

– Ты, мой первенец, которому я дал все, растоптала мечты родителей. Ты выбросила на ветер право называться моим ребенком.

При этих словах отец Муниры заплакал от горя. А затем перенес свой бизнес, который давал работу множеству людей, и свой дом за пятьсот километров от острова Пате, приведя в ужас его обитателей, и обосновался на Занзибаре. Отвергнутый жених и его семья переехали следом. Последним напутствием мачехи Муниры стало пожелание падчерице:

– Сдохни. Но только после того, как мы покинем это проклятое место.

Родные бросили сломленную женщину с ребенком на острове Пате.

Она оплакивала их. И осталась в живых, хотя превратилась с тех пор в предупреждение для смелых и непокорных девушек, в напоминание о причинах упадка экономики архипелага. Теперь Муниру называли *кидонда* – «ходячая рана».

Несмотря на причиненные дочерью страдания, отец оставил ей ключ от одного из небольших семейных поместий, хотя, вполне возможно, это произошло по ошибке. Очень, очень осторожно Мунира въехала туда и принялась ждать выселения. Однако этого так и не случилось. Тогда она вздохнула спокойнее и зажила вместе с ребенком в новом убежище, вставая с первым утренним светом и отправляясь с дочерью в переноске убирать дома, готовить, мыть и заплетать волосы за скромную плату, лишь бы прокормиться. Затем разбила собственный садик с травами, цветами и приправами, ухаживая за растениями по очереди, копаясь в глинистой почве и сдобривая ее навозом, чтобы сделать вновь плодородной. Это занятие вылилось в открытие своего салона красоты и в торговлю притираниями и благовониями.

Мунира стала изгнанницей на острове, но дважды в месяц – только по ночам – она отправлялась на берег, отыскивала уединенную пещеру или большой утес и смотрела оттуда на темный горизонт, который служил воплощением тайных чаяний, в безопасности от острых зубов неукротимого мира. Там, укрытый пологом темноты, Мухиддин трижды замечал женщину во время своих прогулок после возвращения на Пате. В первый раз, почти два года назад, он отправился бродить вдоль кромки океана, увидел скользящую под серебряным светом луны тень и обмер от ужаса, но с облегчением выдохнул, когда понял, что она крепится к человеку, вернее, к женщине, словно высеченной из беломорита. В другой месяц другого года, в столь же темный час, омытые соленой водой тени Мухиддина и Муниры пересеклись, слились и разошлись вновь: два одиночества продолжили свой путь вдоль берега, прислушиваясь к внутренним переживаниям и испытывая непреодолимую тягу к призракам неизвестности и обещаниям прошлого, которые манили их посулами покоя. В третий раз Мухиддин заметил женщину в непроглядной тени одной из пещер возле моря. Они не подали вида, что увидели друг друга, однако в прошлый Новый год бывший хранитель океана, старавшийся сбросить оковы призвания, вновь проснулся в воде и по непонятной даже ему самому причине пришел к дому Муниры. Но не постучался, а лишь оперся о колонну возле двери и с тех пор старался отогнать любые мысли о неприкаянной женщине.

5

В некоторые из вечеров на острове Пате мужчины собирались на городской площади, чтобы предаться беседе. Это называли *мабараза*. В отсутствии телевизионного сигнала таким образом распространялись новости. Жители, в основном отставные госслужащие со свернутыми в трубочку газетами двухдневной свежести, обсуждали каждое напечатанное в статьях слово вместе с торговцами, рабочими разных специальностей и учеными людьми. Дети носились рядом и играли, женщины сбивались отдельными стайками и перешептывались. Над площадью разносились голоса, рассуждающие об извращенной политике Кении, о чрезмерно открытом, подобно дверям в борделе, подходе к любому вопросу правительства и о счете команд английской футбольной премьер-лиги. Мужчины острова разделились на три нерав-

ные группы: одни поддерживали «Арсенал», вторые – «Манчестер юнайтед», а последние – «Челси». Обсуждения часто затрагивали Кению, будто бы Пате имел хоть малейшее значение для страны, будто бы о существовании их отдаленного клочка суши знал хоть кто-то в мире.

Мухиддин поглощал сладости в компании этих мужчин, потягивал горячий горький кофе, играл в домино и высмеивал самовлюбленных жителей ближайшего острова Ламу. Когда-то Пате являлся самым важным местом побережья, главным мореходным узлом. Здесь производились и продавались военные корабли и суда сразу для нескольких наций. Мужчины старались перешеголять друг друга, рассказывая легенды о монстрах и русалках, а также перемывая косточки приезжим иностранцам. Одной из любимых тем для обсуждения в последнее время стал старик из Китая, который поселился в рыбацкой хижине и выращивал овощи в разбитом рядом огороде. Доставалось и обитателям материка, *watu wa bara*, и здешним *nyang'au* – политикам Кении. Шепотом велись разговоры о тайных месторождениях нефти, газа и золота на острове. Очень часто речь шла о воспоминаниях, об осколках былой славы родного острова, обломках великого прошлого.

Обмениваясь сплетнями о событиях в порту, собравшиеся вдыхали опьяняющие ароматы белых цветов – лилий, жасмина, апельсина, леди ночи – под взглядами мириадом звезд-шпионов. В такие вечера хор тысячи и одного сожаления в глубинах души Мухиддина чуть утихал, позволяя почти благодушно отвечать на вопросы о причинах его заигрывания с верой и неслыханного отказа посещать публичные молитвы и священные обряды. Ему даже дали прозвище Еретик, однако относились с осторожным любопытством. Как-никак он не только являлся мудрецом, который помогал заглушить тайные страхи загадочными эликсирами, но и повидал мир, осуществив мечты здешних мужчин, одним глазом всегда косящих на неизведанные и часто воображаемые блага других стран.

На собраниях *мабараза* после разноса в пух и прах политиков, которые, по всеобщему согласию, отправлялись в Найроби, полные обещаний, а возвращались, как оборотни-джинны, – злобными, лживыми и ненасытными, обсуждения мужчин почти всегда сворачивали на местного уроженца, чтобы прожарить его и обглодать косточки. К растущему неудовольствию Мухиддина, пищей для сплетен очень часто становилась Мунира, мать маленькой девочки-рыбы. *Кидонду* обвиняли чуть ли не во всех грехах, делая упор на прелюбодеяние, гордыню, лень. И отсутствие уважения, конечно.

– *Kambare mzuri kwa mwili, ndani machafu* – «внешность ее пленительна, однако внутри все прогнило», – так провозгласил один из торговцев, мужчина средних лет, который любил арбузы и непристойности. – Вы замечали, как эта особа держит голову?

– И как же? – резко осведомился Мухиддин, вспыхнув оттого, что испытывает раздражение, и тут же укорил себя за попытку влезть не в свое дело.

– Нос задирает. Эта безбожная дочь огня даже говорит, жестикулируя, – отводя взгляд, заявил торговец, затем понизил голос и добавил: – Видели щель между ее зубов? Эта ведьма заманивает в сети мужчин с помощью зелий. – И он дернул подбородком, указывая на проход в северном направлении.

В той стороне видели Муниру. А еще там жил Фунди Алмасы Мехди – почти немой кораблестроитель, который когда-то давно был заклинателем ветра, одним из тех, кто мог призывать морские ветра с помощью напевов. Его дедушка переехал в Сию с Кивайю. Внук же теперь ремонтировал сломанные лодки. Мехди жил с женой, сыновьями и дочерьми где-то на Среднем Востоке, но потом вернулся на Пате один. Поговаривали, что он иногда высвистывал старую мелодию для призыва ветра. Радио корабеля всегда было настроено на метеорологический канал, а от погоды, как известно, зависят и приливы с течениями.

– Фунди Мехди? – переспросил Мухиддин, стараясь не выдавать заинтересованности.

– Да защитит нас Господь, – вздохнул торговец.

– Как по мне, ты кажешься разочарованным. Надеялся тоже попасться в сети колдунье? – усмехнулся Мухиддин, а когда другие мужчины тоже заулыбались, добавил: – *Du!* Я же считаю самым манящим сад этой женщины. Какие там цветы! А травы! А специи! Она явно умеет ухаживать за землей.

– Но не задавался ли ты вопросом, какой человек станет выращивать все это рядом с кладбищем, а? – возразил мужчина, который обеспечивал на острове телефонную связь. – Клянусь, тут дело не обошлось без помощи джиннов, а?

– Разлагающаяся плоть также служит отличным удобрением, брат, – отозвался Мухиддин, отметив про себя эту оговорку про джиннов.

Собеседник фыркнул.

Неделю спустя Мухиддин почувствовал стремление покинуть вечернее собрание. Это произошло, когда он планировал вмешаться в спор о сравнении «Арсенала» с «Манчестер юнайтед», объявив лучшим футбольным клубом «Челси», но лишь промолчал, ощущая себя сторонним наблюдателем. То же самое случилось тремя вечерами позднее. Пока самый старый портной острова хвастливо расписывал достоинства своей жены, «красивейшего из здешних цветков», Мухиддин с отсутствующим видом разминал руки. Затем изобразил на лице беспечность и, насмываясь, отошел в сторону, будто в поисках ближайших кустов, чтобы отлить. Но как только оказался вне поля зрения собеседников, направился домой, где устало побрел наверх, в спальню.

Мухиддин принял душ, лег в постель и внезапно ощутил странный электрический разряд. «Что я делаю?» Беспокойно вертясь с боку на бок на отсыревших простынях, мужчина не переставал обдумывать недавнее обсуждение, на котором его спросили: «Где твоя жена?» Пришлось солгать, лукаво заявив, что ему пригодилась традиция мисьяра – так называемого брака путешественников, когда заключалось временное законное соглашение.

– Бесчисленные жены, – объявил Мухиддин, а когда заметил удивление собеседников, усугубил ситуацию еще одной ложью, чтобы вызвать сострадание: – Та, которую я любил сильнее всех... заболела. И оставила меня, дабы смягчить боль. – Он склонил голову и, задышавшись, выдал: – Боль после ее смерти.

Мужчины сочувственно закивали.

Один высказался:

– Хорошо, что ты решил вернуться домой. Здесь самые привлекательные женщины.

Теперь, лежа в постели, Мухиддин вспоминал тех, с кем на самом деле был близок. После первой жены он еще трижды вступал в брак с настоящими красавицами, но бросил их всех. Одна жила в Пондишерри, другая – в Моче, а последняя в... Бейре? Слишком много черных дыр, провалов в памяти. Он уже потерял счет лживым заявлениям, которые делал, чтобы получить доступ к мягким, умашенным благовониями, страстным телам, а также перестал следить за самообманом, призванным оправдать собственные поступки. С приступом раскаяния Мухиддин подумал о своих детях – о тех, кого знал, о тех, кого бросил. Что с ними стало? Сердце, вместилище всех невысказанных страхов, болезненно сжалось, и он прошептал в темноту ночи: «Неужели мне суждено умереть в одиночестве?» Он сам выбрал этот путь, жил на полную катушку, ничем не обремененный, и предпочитал его жажде обладания, необоснованной ревности и постоянным требованиям, которые выдавали за любовь и уступки для поддержания отношений. Мухиддин никогда не умел подолгу оставаться на одном месте, а семейную жизнь считал удушающей удавкой и уделом полнейших безумцев. К счастью, впереди всегда оставались новые горизонты, и он чувствовал себя почти собой, когда исследовал очередную загадку. Однако время обернулось против Мухиддина. Оно бросило его на растерзание призракам прошлого, из которых состояла непрожитая жизнь.

И что теперь?

«Чего я жду?» – гадал он. Затем эта мысль трансформировалась в нечто иное: «Кого я жду?»

Мухиддин ворочался в постели, словно старался отгородиться от воспоминаний, но безуспешно.

Перед глазами как живая стояла Разия, его первая жена. Они развелись, когда ей было восемнадцать, а ему самому – девятнадцать. Милая, доверчивая, выросшая в любящей семье девушка стала легкой добычей для неприкрытой лести – мдани, которую Мухиддин использовал в полной мере. Они сбежали и поженились на Малинди, а вернулись уже супругами. Спустя семь месяцев Разия родила мальчиков-близнецов, Тофика и Зирияба.

Тремя днями позднее Кения вновь стала отдельной страной, опустив «Юнион Джек», государственный флаг Великобритании, и подняв собственный – красно-зелено-черный. Отец Разии, Харун, образованный мужчина, едва не поступивший в Оксфордский университет, попытался продемонстрировать терпимость и принять с раскрытыми объятиями новоявленного зятя-рыбака и даже подарил один из своих домов молодой паре в надежде, что культурная обстановка окажет облагораживающий и просветительский эффект на юношу, с которым тесть разговаривал исключительно по-английски. Поместье даже имело собственный зал для молитвенных омовений. Харун назвал подарок «выкупом за невесту».

Изящный дом с огромными пространствами, заставленными рядами книжных полок и старыми, хрупкими китайскими изделиями, пугал Мухиддина. Не успел он переступить порог, как умудрился разбить двухсотлетнюю персидскую вазу, и с тех пор предпочитал проводить в море дни и ночи, лишь бы находиться подальше от собственного жилища. А также избегал из-за всех сил тестя, который всячески старался облагородить неотесанного зятя.

– Мы теперь являемся частью Кении, – однажды сказал Харун, глядя на новый флаг, развевавшийся над перекрашенным сараем администрации.

– И что? – отозвался Мухиддин на диалекте кибаджуни. – Это как-то повлияет на количество рыбы в море?

При этом он не грубил, а искренне хотел знать, что же подразумевает тесть под словом «Кения».

Спустя два года попыток воспитать невежественного рыбака Харун наконец сдался и подыскал своей дочери более подходящую партию – вдовца, двоюродного брата уважаемого торговца из Йемена, а затем ухитрился присоединиться к зятю на утренней рыбной ловле, с ночи разбив лагерь возле его лодки. Когда же они вышли в море, тесть предложил Мухиддину конверт с восемью тысячами шиллингов и рекомендацией к капитану корабля в Момбасе, а взамен попросил развестись с Разией.

– Во имя Бога, прояви к ней милосердие. Ты же и сам понимаешь, что недостойн моей дочери и ее детей, – таково было воззвание Харуна.

Это плавание стало причиной, по которой Мухиддин надолго исчез с восточного побережья Африки. Сначала он хотел умолять тестя, хотел сообщить, что месяцами штудировал словарь английского языка и учил слова, что слушал в море британское радио, но вместо этого наступил на горло этому желанию, просто вздохнул и сдался. Какие бы усилия ни предпринимал безродный рыбак, он никогда не будет достоин стать частью семьи Разии. Поэтому Мухиддин сказал Харуну, что и сам уже устал от жизни на Пате, устал от всеобщих попыток улучшить, изменить его. Затем взял деньги и покинул остров, прокляв и его, и его обитателей. Тощему лодочнику, с которым парень греб на Ламу, он сказал, что скорее превратится в осьминога, чем вернется домой.

Однако много лет спустя Мухиддина вновь прибило течением к родному Пате. Все вокруг выглядело куда меньше и казалось потрепанным, обветшалым, заброшенным. А еще погрязшим в мелочных раздорах и обыденности. Забытые на половину столетия высосало душу из этой части Кении, а на море дело довершили рыболовецкие траулеры разных стран, выло-

вив все незарегистрированные мигрирующие косяки тунцов и марлинов, оставив население Пате подбирать остатки и выискивать поредевшую добычу. Теперь большинство разговоров на острове велось о переезде, о котором мечтали, на который надеялись, который планировали. Или который кто-то осуществил. Единственные, кто чувствовали себя привольно, – это многочисленные призраки, которые соревновались с живыми за право покинуть сию юдоль скорби. Единственное, что до сих пор процветало, – это наполовину выдуманные, наполовину забытые страны и миры, их история и рассказы тех, кто вернулся на Пате с разбитыми мечтами.

Единственное, что не проходило, – это нервозность Мухиддина.

Но той ночью, ворочаясь в постели, он перебирал в сознании непредвиденные факты, по-новому освещенные в сиянии былой славы дома, который он когда-то бросил, обдумывал все свои скитания, метания, поиски, лживые заявления, побеги, исследования, путешествия. Все знания и впечатления: что было увидено, услышано, прочувствовано. Ничто из этого не несло в себе даже отдаленного намека на ощущение дома, принадлежности к чему-то, пока Мухиддин не увидел существо, танцующее в прибрежных водах Пате.

6

Много недель спустя Мухиддин очнулся ото сна в самые таинственные минуты перед рассветом, когда на небе загораются фиолетово-оранжевые зарницы, от скрежещущего голоса другого муэдзина, Абазы, который кричал: «Аяана!»

Абазы сам по себе стоил целого штата полиции нравов и руководствовался сводом правил из Саудовской Аравии. Если бы не беззаветная приверженность здешним святым, он мог бы вступить в ряды бородатых ваххабитов. Сегодня, похоже, этот блюститель морали выбрал в качестве жертвы маленькую напарницу Мухиддина по любованию зарей. Тот решил вмешаться, обернул вокруг талии старый платок *кикои* и поспешил вниз по лестнице, спотыкаясь на неровных ступенях, пока снаружи доносились выкрики Абазы.

– *Eiii! Mtooto wa nyoka ni... ni nyokaaa!* – «Детеныш змеи и сам является змеей!» – Слова сочились ядом. Муэдзин же не успокаивался, каркая, как разъяренный ворон: – *Nazi mbovu haribu ya nzima, weeee mwanaharamu!*

Мухиддин услышал на крыльце легкий шорох и распахнул дверь. На пороге с ноги на ногу переминалась девочка-рыба. Невысокая, худая, напряженная, дрожащая, она уставилась на хозяина дома огромными, широко распахнутыми глазами. С розовой футболки и выцветших голубых легинсов стекала вода. Влажные, неровно остриженные волосы наполовину закрывали лицо со вздернутым носом. Во взгляде плескались настороженность, страх и озорство. Ребенок открыл и закрыл рот, еще больше напомнив выброшенную на берег рыбу.

Заслышав приближающиеся шаги и вопль *Mwanaharamuuu!*, девочка съежилась.

Мухиддин жестом велел ей заходить и отступил в сторону, затем указал на громадный резной шкаф из твердых пород дерева, который изготовили в Бомбее еще до того, как город переименовали в Мумбаи. Заказ, чьим основным назначением являлся провоз контрабанды, доставили через Оман. Внутри имелась глубокая секция, где Мухиддин хранил свои лучшие книги, эфирные масла, сушеные растения, благовония и пробные смеси. Склепки выстроились рядами на нескольких полках. Еще четыре потайных отделения прятали другие секреты владельца. В самой глубине также находился отсек со скамьей под красным бархатом, где с комфортом могли укрыться два человека.

Аяана проскользнула в шкаф и исчезла в его недрах. Мухиддин затворил дверь, прошел в комнату, запер деревянную створку тайника на ключ и спрятал его под *баргашией* на голове.

– Сегодня тебе от меня не убежать! – послышалось снаружи недовольное ворчание муэдзина, после чего раздались шаги и в дверь дома нетерпеливо постучали.

Мухиддин не торопясь отодвинул засов, стараясь не обращать внимания на учащенное сердцебиение, и открыл гостю.

– Эта маленькая негодница точно была здесь, – прокомментировал Абази. Он сидел на корточках и, сощутив глаза, вглядывался в пол. Затем расплылся в зловещей улыбке, продемонстрировав большие зубы, и указал на что-то своей кривой тростью. – Вот, посмотрите.

Мухиддин наклонился и заметил на крыльце крошечные тающие следы, ведущие внутрь.

– Муаллим Абази! Ас-салям алейкум, *mzee*! Да осветит солнце ваш день! Кто был здесь? – уточнил он, отступая в сторону и незаметно проводя рукой по полке, чтобы смахнуть на пол книги, а когда они с грохотом образовали невысокую гору прямо перед входом, лишь вздохнул: – Проклятые пылесборники! – Затем нагнулся поднять один из увесистых томиков и болезненно охнул, потеряв поясницу: – Моя спина! Хорошо, что вы здесь. Прошу внутрь. Поможете собрать беглецов, пока разговариваем...

– Э-э, – протянул Абази, пытаясь заглянуть через плечо хозяина дома, – мне показалось... А вы никого не заметили? Простите меня, уважаемый, хотелось бы вам помочь... А вы точно не видели этого проклятого ребенка, вот такого роста? – Муэдзин занес ладонь над полом, обозначая размер Аяаны. – А книги... Поверьте, если бы не... Вы, наверное, знакомы с Фаруком, поставщиком товаров для земледелия... Так вот, ему совсем плохо. Опухоль распространилась на весь мозг. – Теперь, разговаривая на более понятную тему, собеседник обрел уверенность и закончил уже твердо: – Мне нужно его навестить.

Мухиддин поднял еще одну книгу и сдул с нее пыль прямо в лицо Абази и уже умоляюще спросил:

– Может, хоть немного поможете?

– Вы должны войти в мое положение, – отрезал гость, после чего чихнул, потер глаза, развернулся и поспешил прочь по извилистой улочке.

Вновь воцарилась утренняя тишина.

В воздухе стоял запах моря – дуновение светлой стороны жизни. Пичуга подчеркивала безмолвие пронзительным стаккато: тонг-тонг-фи! Мухиддин отпер дверцу бомбейского шкафа и сказал:

– Можешь выходить, Абира. Ленивый верблюд испарился при одном намеке, что придется потрудиться.

Четыре минуты ничего не происходило, а затем из шкафа выпрыгнула малышка и врезалась в стоявшего неподвижно Мухиддина. Она упала на колени, обхватила его ноги руками и выдохнула:

– Я Аяана.

– Я знаю, Абира.

Пять секунд тишины.

– *Nitakupenda* – «я буду любить тебя», – выпалила девочка-рыба, после чего перепрыгнула через гору книг, выбежала наружу, стремглав понеслась по узкой улочке и вскоре исчезла среди теней.

7

Она засунула лепестки дамасской розы в рот и принялась их жевать, пока Мунира, всегда чем-то занятая, отвлеклась на таинственные размышления. Аяана тем временем провела пальцем по стеблю, отмечая отсутствие шипов, потом облизала пальцы, будто аромат можно было попробовать, и вспомнила, как Мунира иногда роняла двенадцать идеальных капель в чай, молоко или тесто *халуа* при приготовлении. Затем мысли девочки перескочили на другое воспоминание, более мрачное. Очень часто ночами мать, сражаясь с оплетающей ее паутиной неясных страхов, подзывала Аяану, вытаскивала пробку голубого металлического фла-

кона *мраши* с длинным узким горлышком, который держала под подушкой, и обрызгивала их обеих розовой водой, будто ароматные капли отгоняли духов.

До того как девочка оказалась здесь, она долгое время прорыдала, желая, чтобы ее существование не было таким ужасным. Сегодняшний день обрушился на Аяану всем весом. Утром в медресе³ один из отрывков текста, который они заучивали, внезапно поразил ее в самое сердце. Погруженная в переживания, она пропустила, как комнату постепенно окутывал кокон тишины, и не заметила, что обычно неподвижный, монотонно бубнящий Мвалиму Хамид поднялся и навис, словно огненный феникс. Не услышала его шипение:

– Субхан Аллах!

И уж совсем Аяану застал врасплох тычок учителя кончиком палки в татуировку на виске, чтобы вывести из транса.

Мвалиму Хамид склонил голову набок, изучая нерадивую ученицу, затем поправил на носу очки с круглыми стеклами, из-за которых глаза мужчины казались огромными, и спросил ее:

– Ты джинн? – Не получив ответа от застывшей, непонимающей Аяаны, учитель снова ткнул ее палкой в лоб. – Только неупокоенные мертвецы так завывают. Только проклятые души смеют принижать святыя слова недостойным произнесением, которое больше напоминает кошачьи вопли. – Наконец он огласил вердикт: – Покинь мой класс и не возвращайся до тех пор, пока я не объявлю, что оправился от нанесенного оскорбления.

Аяана выбежала из помещения, сопровождаемая хихиканьем, но подавила рыдания, решив, что не доставит окружающим удовольствия и не будет плакать.

Взрослые!

Остаток дня она провела, особенно усердно пытаясь делать все так же, как другие дети: ходить как Хадия, перекачивать слова на языке, перед тем как выплюнуть их, как Атия, приподнимать краешки губ вместо улыбки, как Маймуна, и охотиться за крабами в мангровых зарослях, чтобы потом вручить отборные экземпляры мальчишкам, как Сулейман. Однако около полудня на остров вернулся отец Атии, живущий на материке, и обнаружил, что дети играют на ближайшей площадке. Фара, Мванаюма, Рейма и Рукия считали семена, а Аяана прыгала через скакалку, которая принадлежала Атии. Та ворчала в ожидании своей очереди. Подойдя к дочери, мужчина прикрикнул на Аяану, словно на бездомного пса:

– *Wee! Mwana kidonda!* – «Кыш, дитя раненой!» – И отломил прут от куста неподалеку, чтобы пригрозить девочке.

Сначала одноклассники Аяаны только хихикали и перешептывались, но затем две девочки залились слезами, не понимая, что именно произошло, но уверенные, что что-то плохое. И дочь Муниры, *кидонды*, побежала домой по узким улочкам и проскользнула в полуоткрытую дверь, дрожа от невидимого ужаса, который так пугал и возмущал других, но неспособная ничего с ним поделать.

Вечером вернулась Мунира, неся две рыбины, новый набор платков *лесо* и ароматическое растение. Она шагнула за порог и позвала дочь:

– Аяана!

Не получив ответа, Мунира хмыкнула и уже направилась к гостиной, когда заметила скорченную фигурку на выцветшем голубом кресле, отложила покупки и приблизилась к девочке. Та прижималась лбом к потрепанному зелено-золотому фотоальбому и кусала губы, время от времени утирая слезы с лица. Мунира не сразу сумела отвести взгляд от осколка прошлого, с привычным болезненным уколом вспомнив, что застывшие на снимках люди уже не являются частью ее настоящего и вряд ли будут присутствовать в будущем. Она не рассказывала о них дочери. Позднее, намного позднее Мунира вновь спрятала альбом в самом дальнем,

³ Медресе – мусульманское религиозное учебное заведение.

самом темном углу шкафа, по-прежнему не в состоянии избавиться от этого осколка прошлого, и взмолилась, чтобы время или термиты сделали это вместо нее. Сейчас же она опустилась на колени перед Аяаной и осторожно вытащила альбом из рук спящей дочери. Она подняла голову и уставилась на мать такими пустыми и несчастными глазами, что та едва сумела сдерживать крик от вида безутешного горя на маленьком личике. Мунира слишком хорошо знала эту переданную предками скорбь, это наследие прошлых ошибок, это невосполнимое отсутствие любимых, а потому на секунду задохнулась, не находя нужных слов.

– Ма, а у меня есть отец? – в конце вопроса голос Аяаны надломился.

Мунира не произнесла ни звука.

– *Ma, tababu wetu walienda wapi?* – «Мама, где наша семья?» – снова попыталась дочь.

Мунира лишь высоко подняла подбородок.

– Ма, а какая у нас... у нашей семьи фамилия? – прошептала Аяана.

Мунира закрыла глаза и будто наяву услышала голос убитого горем отца, говоривший: «Ты выбросила на ветер право называться моим ребенком». Из почтения к его разбитому сердцу она приняла этот болезненный разрыв, это отпочкование от разветвленного семейного древа, отстранение от древней родословной, которая веками открывала все двери и давала доступ к тайным местам по всему свету. Отрезанная. Теперь они с дочерью обречены плыть по течению в бездну неизвестности.

– Они... – Аяана махнула рукой в сторону выхода, в сторону внешнего мира. – Они прогнали меня.

– Кто? – спросила Мунира, уже зная ответ.

– Взрослые.

– Как?

Эта игра, эта чехарда преследовала Аяану всю жизнь. Прыжок – остановка. Идем ловить головастика, убирайся прочь. Давай бросать мраморные шарики, проваливай. Бежим собирать ракушки, ступай домой. Айда копать червей, исчезни с наших глаз. Спрятаться в мангровых зарослях... Взрослые никогда не искали ее там.

Аяана повернулась к матери и осмелилась спросить то, чего больше всего боялась:

– Я плохая? – Лицо девочки напряглось в попытке сдержать слезы, но они все равно вырвались на волю. Тогда ребенок продолжил рассказывать, отстраненно, будто сообщал о преступлении: – Би Амина... Она говорит мне: «Аяана, *кидонда!* Аяана, *кидонда!* *Кидонда!*».

Мунира вздрогнула, как от удара.

Кидонда – рана. Так часто повторяемое прозвище стало реальностью. Привычные уже щупальца всеобщего осуждения теперь тянутся и к ее дочери, охотятся за ней. Видя, как свет гаснет в глазах Аяаны, Мунира почувствовала закипающий гнев, обжигающий нутро. В этот момент она продала бы душу первому попавшемуся джинну, если бы тот научил, как избавить невинного ребенка от страданий, унаследованных по праву рождения. Отверженная, изгнанная обществом женщина проглотила ярость, разжала стиснутые кулаки и защитным жестом высоко вскинула подбородок. Решила тоже воспользоваться силой слов и вызвать к жизни иное имя, невозможное и всеобъемлющее, произнесла решительно:

– У нас есть фамилия. – Мунира помедлила. – Луна... – Она запнулась, колеблясь, но продолжила: – Луна дала ее нам. – Понизив голос до шепота, добавила: – Это имя принадлежит небесам, поэтому нельзя называть его вслух днем, чтобы *они*, – она махнула в сторону внешнего мира, – не украли его.

– Имя, принадлежащее небесам? – едва слышно переспросила Аяана, широко распахнув глаза, в которых вновь засветилась вера. – Какое? Какое?

– Ва Яуза, – Мунира проглотила соленый ком, вставший поперек горла – невысказанные проклятия жестокому миру, – и солгала, глядя в лучистые глаза дочери: – *Ва Яуза*. Орион. Название целого созвездия. Это наша фамилия. Наша тайна.

Аяана сжала вместе ладони, пытаясь осмыслить величественность этого знания. Это ощущение росло и росло, пока не заполнило сердце, пока не согрело душу, пока не заставило запрокинуть лицо вверх. С тех пор девочка никогда не переставала вглядываться в небеса.

Мунира схватила правую руку дочери, помогла ей встать и с притворной веселостью в голосе произнесла:

– Идем, *лулу*. Поможешь мне искать розы.

Аяана прерывисто, благоговейно выдохнула.

Срывая с кустов бутоны, источавшие сладкий запах, Мунира позволяла просочиться в сердце красоте, которой жаждала, как иссушенный жарой путник жаждет воды. В стремлении к прекрасному женщина рассматривала растения, пока не обнаруживала зеленые стебли, какими они были задуманы создателем. Она доверяла ароматам: незамутненные, неразбавленные, они несли в себе истину. Мунира ухаживала за цветами и травами, холила и лелеяла их, пока те не раскрывали свой дар – пробуждать новый взгляд на мир.

Аяане тоже нравилось проводить время в саду наряду с другими занятиями: считать волны в океане, предугадывать появление штормов, наблюдать на рассвете за превращением валунов в тени и заводить дружбу с остроухими кошками острова, в чьих больших глазах светилось древнее пророческое знание. Свойство этих животных исчезать вместе с приближением прилива в новолунье заставляло Аяану то обожать их, то ненавидеть, то снова обожать.

Мунира с дочерью отправились к древним гробницам и принялись собирать лепестки роз с диких кустов. Они цвели по-разному: иногда вырастали светлые цветки, дарящие сладость и утешение, а иногда – темные, которые призывали к раскаянию. Позднее собранная добыча превратится в розовую воду. Она поможет очиститься от стыда и чувства вины, наполнит оставленную печалью пустоту, укротит страхи и тоску.

Мунира с дочерью вернулись в свой прохладный дом с коралловыми стенами, неся найденные цветки. Мать поставила на огонь кастрюлю с водой, чтобы сразу же переработать половину розовых лепестков, и посмотрела на Аяану, дитя несдержанности, плод обманутых надежд и горьких потерь. Та округлила глаза, поглощенная процессом. Радость пришла на смену печали. Девочка перехватила взгляд матери и подняла голову. Мунира же опустила свою, прижимаясь лбом ко лбу дочери. Их ресницы переплелись, как и едва-едва соприкасающиеся души. Выключив закипевшую воду, женщина поставила ее остывать и со вздохом велела Аяане:

– *Лулу*, брось половину лепестков в кастрюлю. По одному.

Та выполнила указание. А заметив задумчивый, прикованный к горизонту взгляд матери, быстро сунула самый крупный из лепестков в рот, обжигая пальцы. Украдкой посмотрела на Муниру, какое-то время еще понаблюдала за розовеющей водой и снова вытащила блестящую сладость. В стоявшей рядом миске остальные цветки дожидались своей очереди поделиться ароматом. Они пойдут в разогретое кокосовое масло, которое после перегонки превратится в дорогостоящий эликсир. Мунира использовала их, чтобы сделать женщин красивыми. Даже тех, кто называл ее за глаза «благовонной шлюхой».

8

В воскресный полдень Мухиддин неторопливо шагал с побережья, насвистывая и помахивая четырьмя только что купленными рыбинами из недавнего улова, когда заметил Аяану. Она присела под старым изогнутым деревом иланг-иланга и сжимала в пальцах выщербленный голубоватый шарик из мрамора. Перед ней виднелась неглубокая выемка в пыли. Мухиддин улыбнулся и намеревался уже пройти мимо, когда услышал, как девочка всхлипывает и успокаивает сама себя:

– Нет, Аяана, нельзя плакать, что бы ни случилось.

Окруженный отголосками веселых криков играющих вдали детей, Мухиддин аккуратно отложил рыбу, встал на колени, осмотрелся по сторонам, притворяясь, что не видит девочку, потом заметил овальный черный камешек и выкопал его из песка.

Поймал ее взгляд.

Ясный. Немигающий.

Наконец Аяана очень медленно достала из кармана блестящий красный мраморный шарик и протянула Мухиддину, забрав из его руки гальку и спрятав. Затем вытерла пыльной ладонью щеки, оставив на них грязные разводы. Мужчина выставил палец, прищурился, сосредоточенно прикусил язык и бросил шарик. Тот не долетел до цели всего метр. Улыбка медленно расцветала на лице Аяаны, пока не стала ослепительной, словно солнце вышло из-за туч, и под жаркими лучами испарился даже намек на печаль.

Они играли в шарики больше часа, смеясь над всем и ни над чем. С помощью наводящих вопросов Мухиддин выяснил, что дети изгнали девочку с площадки. Дюра сказала, что игроков и так слишком много, так что кому-то придется уйти. Маймуна предложила Аяану. Фатима поначалу запротестовала, что это будет нечестно и что можно участвовать всем по очереди, однако Сулейман толкнул дочь отверженной Муниры на землю так, что та упала, а платье задралось. Дети начали смеяться при виде поношенного и рваного нижнего белья Аяаны, поэтому она подобрала свои шарики и сбежала, спасаясь от унижения.

Стояла глубокая ночь, когда навязчивый стук ворвался в сон Мухиддина. Ему потребовалось несколько минут, чтобы сообразить: шум доносился от входной двери, а не пригрезился. Бах-бах-бах. Бах-бах-бах. Пытаясь сбросить оковы дремы, мужчина зло выругался, обернул *кикои* вокруг талии и, ворча, спустился по лестнице, ушибив об одну из ступеней большой палец.

– *Makende!* – вырвался крик.

К тому времени, как проклинаящий все на свете Мухиддин отодвинул засовы, случайно прищемив руку и еще раз застонав, и открыл дверь, он уже был готов убить незваного гостя.

На пороге снова стояла Аяана. Она переминалась с ноги на ногу, с нетерпением поглядывая на вход ясными глазами, ничуть не смущенная, что на дворе царила ночь, пусть и освещенная убывающей луной, а когда Мухиддин открыл, схватила его за руку и потянула наружу.

– *Kiја uone* – «идем посмотреть».

– Посмотреть на что? – удивленно уточнил он, тем не менее следуя за Аяаной.

– Быстрее, – поторапливала она.

Решив, что что-то случилось, Мухиддин поспешил за маленькой провожатой. Она обогнала его и нетерпеливо оглядывалась, периодически давая знак ускорить шаг. «Наверное, неприятности у ее матери», – подумал мужчина и засомневался, не вернуться ли за бинтами и аптечкой.

Вскоре они оказались на мысе. Под ногами бились приливные волны. Прохладный бриз добавлял басовитое гудение к шорохам ночных созданий. Невидимая лягушка вплетала в мелодию монотонное кваканье. Жасмин наполнял опьяняющим ароматом ночной воздух. Небо над головой светилось мерцанием звезд, пронесенным сквозь вечность. Белые, голубые, желтые и красные искры отражались в черном зеркале воды. Аяана дернула за руку Мухиддина, указала вверх и взволнованным шепотом спросила:

– Кто сломал луну?

Девочка посмотрела на спутника так, словно он должен был знать ответ, словно он мог каким-то образом исправить этот вандализм мирового масштаба. Мухиддин обвел взглядом землю, море и поднял глаза на небо, точно видел его впервые.

– Кто это сделал? – умоляюще повторила вопрос Аяана и уставилась на собеседника с таким напряженным вниманием, будто его ответ был самым важным на свете.

Не желая выглядеть невеждой в этих огромных, ищущих знания глазах, Мухиддин солгал. Он солгал, потому что сам не верил. И поэтому сказал:

– Вечный поэт. Он всемогущий, – добавил он тихо, словно открывал секрет и знал словившее луну существо лично, – и разрушает только для того, чтобы заново построить. Всемогущий.

Заметив на лице Аяаны восхищение, Мухиддин постарался зачерпнуть ее веру в чудо и сохранить для себя.

Какое-то время они стояли и молча наблюдали за небом, за случайными облаками, за осколком луны и за подмигивавшими звездами. Потом девочка велела:

– Прочти знаки, – и обеими руками указала вверх. – Прочти что-нибудь еще, – настойчиво повторила она, не получив ответа.

Но Мухиддин забыл, как это делается. Несмотря на умение находить путь под любимыми звездами, он потерялся. Поэтому они продолжили молча наблюдать за небом. Наконец Аяана опустила голову, зажмурилась, снова открыла глаза и спросила:

– А океан что сейчас говорит?

Мухиддин прислушался и перевел девочке:

– Он хочет знать, кто ты. Кто ты? Кто ты? Так он шепчет.

– Я Аяана! – крикнула она, выглядывая за край мыса и наклоняясь к волнам, плещущим у подножия. – Теперь твоя очередь.

– Я Мухиддин, – пробормотал он.

– Громче! – приказала Аяана.

– Я Мухиддин! – взревел он, обращаясь к воде и ветру.

Первой захихикала малышка. Затем расхохотался и сам мужчина. Вскоре они оба смеялись. А затем вернулись к прежнему занятию: смотрели в небо, слушали шепот любопытного океана. Сломанная луна же наблюдала за ними в ответ.

Аяана обернулась и уставилась на спутника, будто собиралась еще что-то сказать, но забыла, что именно, заметив нечто интересное в его лице.

– У тебя в глазах светится осколок звезды! Можно потрогать?

Не дожидаясь согласия или отказа, она протянула руку и коснулась слезы, того самого осколка звезды. Затем маленькая девочка и немолодой мужчина сидели на краю мыса, шпионили за небесами и следили за волнами. Когда Аяана показала, куда смотреть, Мухиддин различил тишину между приливом и отливом волн, разглядел страны между созвездиями. Они сидели и слушали ветер, девочка и мужчина, пока этот поток жизни не задел веточку на дереве и не оставил отметку на времени резким скрипом. На самом горизонте прошел лайнер, огромная тень, подсвеченная огнями.

– Куда он плывет? – прошептала Аяана.

– Домой, – отозвался Мухиддин, неосознанным жестом прижимая ее к себе.

– А где его дом? – тихо уточнила девочка.

– *Mahali fulani* – «где-то», – ответил мужчина.

Привалившись к спутнику, Аяана задремала, закрыв ладонью лицо. Мухиддин прислушивался к ее дыханию и наблюдал за звездами. Прислушивался к океану, пока не зачирикала птица, и только тогда спохватился, что ребенку давным-давно следует лежать в постели. После секундного колебания, что в его руках девочка и ее сны могут рассыпаться, Мухиддин все же наклонился, подхватил ее и понес домой, стараясь ступать медленно и осторожно. А когда оказался перед дверью небольшого поместья, то застыл в нерешительности. Если он постучит, то Аяане наверняка попадет от матери. Поэтому прошептал:

– *Mwanangu* – «дитя мое», – и сам удивился этой неожиданной фразе, но тут же отмел мысль в сторону и позвал чуть громче: – Абира.

Девочка заворочалась, затем зевнула и посмотрела на Мухиддина, а когда заметила окружающий пейзаж, спросила:

- Ты принес Аяану домой?
- Да, Абира.
- Пусти, дальше я пойду сама, – велела она.
- Не бойся, – он поставил ее на землю.
- Дождись, пока я не окажусь внутри.

Мухиддин смотрел, как Аяана отошла на пять метров в сторону от двери, после чего закинула одну ногу на подоконник, вторую поставила на совсем узкую рейку, подпрыгнула и зацепилась за сточную трубу, по которой вскарабкалась вверх до высоко расположенного узкого окна и протиснулась внутрь. Через секунду наружу высунулась крошечная ладошка и помахала на прощание. Где-то вдалеке закукарекал петух, и снова воцарилась тишина, если не считать тихого, ошарашенного дыхания Мухиддина и неумолчного шума прибоя.

9

Она была толщиной со средний палец Аяаны и выглядела почти такой же тонкой, как большая швейная игла матери. Головка блестела желто-золотым, а в глазах танцевали красные искры. Маленькая грудка отливала оливковым и коричневым, а сквозь тонкие полупрозрачные крылья, будто сотканные из бледно-оранжевого света, просматривался стол.

Мухиддин велел Аяане сказать название волшебного существа, *kereng'ende*, на четырех других языках.

– *Matapiojos. Libélula. Naaldekokker.* Стрекоза.

– *Matapiojos-Libélula-Naaldekoker-Стрекоза*, – протараторила Аяана и сложила ладони вместе, сцепив их в замок. – Но зачем?

– Чтобы распробовать ее суть, – прошептал Мухиддин. – А для этого следует ощутить на языке как минимум три наречия, – его лицо стало суровым.

Аяана скопировала серьезное выражение собеседника.

Ранее, лежа на животе в мангровых зарослях, она прождала почти весь день, пока не появилась нужная стрекоза. И даже не ходила на самодельную пристань, чтобы наблюдать за возвращавшимися домой. Когда насекомое опустилось на ветку, Аяана очень медленно подползла и схватила его, а затем засунула в одну из закрывавшихся склянок матери, несмотря на попытки стрекозы укунить обидчицу за палец, и понесла Мухиддину, стараясь идти медленно и каждую секунду заглядывая во флакон. Владелец магазина сидел за прилавком и читал книгу, когда за час до заката на пороге объявилась девочка и позвала:

– *Shikamoo*, бабу.

– *Marahaba*, – отозвался Мухиддин, чувствуя неловкость.

Аяана вошла в его жизнь без приглашения, неожиданно-негаданно, и преподнесла свое хрупкое сердце, хотя он об этом не просил.

– Я нашла ее и захотела отдать тебе, – сказала девочка и улыбнулась, отчего в ее больших глазах вспыхнули предвкушение и радость.

– Да, и что же это? – вздохнул Мухиддин, откладывая книгу.

– Посмотри сам.

Он неохотно принял склянку, открыл и обнаружил внутри полуживую стрекозу, затем, пока та не пришла в себя, разложил насекомое на плоской поверхности низкого столика и опустился на колени, чтобы внимательнее разглядеть существо с радужными крыльями. Аяана склонилась над плечом Мухиддина, наступив ему на левую голень правой ногой в залатанном красном шлепанце, и спросила:

– Тебе нравится?

– Это прекрасное воздушное создание? Конечно. Спасибо.

– Я сама поймала ее! – подпрыгивая, сообщила Аяана. – Сама! – Она посмотрела на стрекозу, потом на Мухиддина и вспомнила кое-что еще. – Она меня укусила. – И показала палец.

– Бедняжка очень испугалась, – поджав губы, заверил он.

– Но почему?

– Она такая маленькая, а Абира такая большая. Понимаешь?

– Я только хотела подарить что-то красивое, – прошептала девочка. Ее глаза наполнились слезами. И спустя мгновение добавила: – Аяана не плохая. Никого не хотела обидеть. – Она затрясла головой.

Мухиддин почувствовал, как в сердце разливается тепло, и от неловкости, не зная, что еще предпринять, он велел малышке повторить название стрекозы, *kereng'ende*, еще на четырех языках. После выполнения задания Аяана хотела поделиться еще одним секретом, но засомневалась. Она вздохнула. Закусила губу. Обхватила руками живот. Снова вздохнула. Взрослые никогда не желали слушать дочь Муниры, лишь качали головами и говорили: *Debe shinda haliachi kusukasuka* – «Полупустая жестянка никак не перестанет дребезжать».

Мухиддин следил за сменой настроений на личике девочки, видел, как приподнимались ее худые плечики, будто за спиной вот-вот распахнутся крылья, а потом опускались. Аяана проглотила невысказанные вопросы, которые крутились на языке, и прижалась щекой к столу так, что глаза оказались на одном уровне с медленно шевелившейся стрекозой. Затем посмотрела на Мухиддина. «Ничего не говори, – взмолился он про себя. – Уходи. – Но какая-то часть его существа кричала: – Что, Абира?»

Аяана сдерживалась еще пятнадцать секунд, после чего резко встала и расправила плечи, приняв решение. Посмотрела на Мухиддина и уверенно заявила:

– Теперь ты мой отец.

А потом разразилась слезами. Хрупкое тело содрогалось от смутения, оттого что заветные слова наконец прозвучали вслух.

– Ох, – выдохнул Мухиддин, будто получив удар в живот и не зная, как реагировать на подобное заявление, затем отшатнулся и застыл без движения.

В ушах звенело. Мысли обгоняли друг друга, в душе царило смутение. Столько времени бывший рыбак путешествовал в одиночестве, ни к кому и ни к чему не привязываясь. Он привык оставлять все позади. И никогда никто не заявлял на него права. Теперь же маленькая девочка рыдала, спрятав голову в плечи. Мухиддин наклонился, чтобы понять ее суть, понять природу слов, которые сумели пробиться в заглубившее сердце немолодого мужчины. Стрекоза. Аяана. Ее заявление. Она плакала навзрыд, безутешно, точно потеряла последнюю надежду. Поэтому Мухиддин потянулся и взял ладошку малышки. По его телу прошел разряд, как предупреждающий сигнал колокола, бьющего тревогу. Стрекоза. Аяана. Их соединенные руки. Руки мужчины были большими и морщинистыми. Огрубевшими, волосатыми, с узловатыми фалангами пальцев, с ладонями, затвердевшими от тяжелого труда и от памяти обо всех оскверненных и непотребных вещах, которых они касались. Мухиддин убрал эти руки от невинной девочки. Но она плакала. По щекам текли слезы. Он осторожно дотронулся до ее волос и прошептал:

– Абира, *haya basi, haya*.

Аяана всхлипнула и попробовала успокоиться, глубоко вдохнув. Потом посмотрела на Мухиддина.

Он наклонил голову.

Тогда девочка бросилась в его объятия, цепляясь за шею, протягивая руки к его лицу.

Внутренне Мухиддин ожидал и гадал.

Аяана же счастливо щебетала, хихикала, и теплое дыхание согревало заросшую бородой щеку мужчины. Он почувствовал, как мозги размягчились, как сердце замерло, как стало трудно сделать новый вдох. Почувствовал, как меняется. Это девочка-рыба меняла его. Она что-то сказала. Кажется, это был вопрос, потому что фраза закончилась на высокой ноте и наступила тишина.

Аяана. Это дитя.

В его объятиях.

Она вздохнула и обмякла, засыпая.

Мухиддин тоже вздохнул и повернул голову как раз вовремя, чтобы заметить, как красноглазая стрекоза встряхнулась, подползла к краю стола, расправила прозрачные крылья и вылетела в открытое в окно, сливаясь с красными закатными лучами, которые падали в помещение.

Позднее он приучился к тому, чтобы всегда нагибаться и смотреть Аяане в глаза. Она ждала бесед на равных. Она желала заглянуть в зеркала души и увидеть все, что там отражалось. Она сдержала свое обещание и всегда любила Мухиддина таким, каким он был. И говорила всем окружающим – кроме матери, – что он теперь стал ее отцом.

10

На следующее утро Аяана явилась на порог Мухиддина в школьной форме, с портфелем, и сообщила:

– Теперь ты будешь меня учить.

– Ступай в школу, – ответил мужчина и закрыл дверь.

Когда он вышел на крыльцо двумя часами позднее, Аяана все еще сидела там.

– Чего ты хочешь? – прорычал Мухиддин.

– Чтобы ты меня учил, – подняв на него ясный взгляд, заявила девочка.

– Отправляйся в школу.

– Нет! Там плохо!

– Я уезжаю на Ламу.

– Я с тобой.

– Ни в коем случае.

– Учи меня.

– Нет. Послушай, я сейчас опоздаю на лодку, – вздохнул Мухиддин, пятась в сторону остановки *матату*, и крикнул пассажирам подождать его. Аяана шла следом. – *Dereva!* Я уже опаздываю.

Когда Мухиддин вернулся домой тем вечером, то обнаружил линии, фигуры и цифры, нарисованные углем на ступенях крыльца. На следующий день явившуюся с котенком на плече девочку уже ждали тряпки и ведро мыльной воды. Аяана взглянула на хмурого мужчину и спросила дрожащим голосом:

– Я сделала плохо?

– Просто поступила умеренно неправильно, – выражение лица Мухиддина смягчилось.

– Что такое «умеренно»? – Она сняла котенка с плеча и посадила на землю.

– Я расскажу, когда мое крыльцо вновь станет чистым.

После того как девочка закончила отмывать каменные ступени, Мухиддин принес из своей комнаты потрепанный набор для каллиграфии, который сам использовал, когда пытался выяснить разницу между курсивным начертанием шрифтов Насх и Тулут⁴. Затем дал

⁴ Используются в исламской каллиграфии.

Аяане книги и несколько больших листов писчей бумаги. Она тут же их схватила, прижала к себе и воскликнула:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.